

— Когда вы перешли на отбор проб из облаков?

— Не сразу. Сначала я попал на испытания боевых радиоактивных веществ. Это радиоактивные отходы, растворенные в кислоте и под давлением залитые в специальные баллоны. Потом эту емкость сбрасывают на парашюте, и во время спуска она распыляет эту жижу. Эта штука хуже любой бомбы! Так землю заражает, что потом на ней века жить нельзя. Был случай — экипаж Лошаков — Качин выполнял полет с БРВ, и один из зарядов протек. Реактив быстро растекся по борту. Экипаж закончил полет, поджав ноги. Их быстро «комиссовали», а самолет долго простоял в институте как наглядное пособие. А потом испытания БРВ прекратили. И тогда институт поставил задачу — отбор проб из пылевых облаков. На самолет устанавливали гондолы. Это что-то вроде подвесных топливных баков, только внутри у них сетки, покрытые клейким составом, чтобы удерживать пыль. Надо было набрать около 50 рентген на сетке — огромная доза. А в кабине стояли рентгенометр и дозиметр, мне — штурману — приходилось за ними следить. А сетки из гондол потом отправляли в Москву.

— И каково было?

— Вот представь — идем заданным курсом, все хорошо. И вдруг... (раскидывает руки, будто показывая, какую рыбу поймал)... выросла с земли такая гадость черная, на поганку похожая. И закипает работа — отключаем подогрев кабины, кислородные маски натягиваем. Я быстро проверяю приборы — не задел ли какой переключатель? — и открываю гондолы. Потом глядь, «поганка» не черная вовсе, а темно-красная! Горит вся!

— И вы в этот огонь...

— Да ну! Там же температура, радиация... сгорели бы! Присмотрелись — на верхушке вроде перегорело. Значит, туда двинем! Зашли в облако, и как начало нас трясти! Борт 18 тонн как мячик бросает! Пилот белый весь, вцепился в штурвал... Смотрю по приборам, дозу набрали — и машу ему, чтоб выходил. «Ты куда завел, Сусанин? — орет мне пилот. — Я штурвалом по лбу получил!»

И так 28 раз. Из 28 облаков лично я пробы отбирал.

Священный ужас

— Это было время, когда испытания проводили все — США, Франция... Вам не сообщали, как у них испытания организованы?

— О таком — нет. Другое дело, что сообщает разведка — Франция взорвала заряд и через 5 часов к нам подойдет воздушная масса оттуда. И взлетаем сразу 4 бортами и в разные стороны на разных высотах идем. В институте за наш отбор проб знаешь, как держались? Частичку искали одну-единственную! По этой частичке ученые определить могли, что новое на Западе придумали. А последний мой отбор проб был в 1961-м на полигоне Сары-Шаган. Тогда проводили учения ПВО — надо было ракету с ядерной боеголовкой сбить. Мы должны были пробы взять из облака высотного взрыва. Заходим, значит, в квадрат, а там тишина. Вдруг на нас целая звезда летит!

— Ракета?

— Да, ракета баллистическая. Мы в сторону, а с земли другая звезда поднимается — ракета ПВО. И сбита баллистическую ракету. Полыхнуло так, что неясно стало, где земля, где небо...

Ядерные испытатели (слева направо): Костюченко, Кузнецов и Сабуров.

— Ракета ПВО не просто баллистическую сбита, а еще и ядерный взрыв был?

— Конечно! Это и было целью учений! А дальше что? Пробы мы собрали, привезли да сдали.

— Знаете о каких-то результатах, достигнутых с помощью собранных вами данных?

— На основе наших данных сделали заряды для народного хозяйства. Точно знаю о двух, где наш экипаж (Бабкин — Сабуров) брал пробы. Под Воркутой, где «бахнули» гору для строительства железной дороги, и в Казахстане, недалеко от реки Чаган, где котлован для водохранилища вырыли ядерным взрывом. А после Сары-Шагана меня с полетов сняли — моя доза облучения все нормы уже превысила! — и отправили на Новую Землю руководить полетами.

— Вы и на Новой Земле побывали?

— Да. Только там я не летал. Полигон на Новой Земле построили, когда выяснили, что боевое поле Семипалатинского маловероятно для испытаний больших бомб.

— Насколько больших?

— Про «царь-бомбу» слышал? РДС-202. Ее два экипажа испытывали — сбрасывал экипаж Дурновцев — Клещ с ТУ-95В, а впереди шла авиалаборатория на борту ТУ-16А — экипаж Мартыненко — Григорюк. Лаборатория шла километрах в 15 впереди борта-носителя — чтоб снять данные о взрыве. Фото- и кинофиксация, дозиметрия, барометрия... У Мартыненко тогда уже записывающая техника была.

— А на какой носитель записывали? Ведь не было тогда «флешек»...

— Чего не знаю, того не знаю. Не посвящали летный состав в матчасть приборов

особо — показывали, какие кнопки нажимать, и все. Да и не было времени вникать, своих забот хватало. В общем, взрывная волна от РДС-202 обогнула Землю дважды. Все льды на острове Северный превратились в пыль, пополам с грязью. А потом, за неполные два года, там испытали еще три очень мощных термоядерных заряда.

— Какие у вас самые яркие воспоминания о тех временах?

— Были на Новой Земле всесоюзные учения — приехали высшие чины Минобороны и авиаторы со всего СССР — планировался одновременный взрыв трех бомб. Командный центр был очень близко к эпицентру — до 200 километров. В ту ночь красивое полярное сияние было, залюбоваться можно. И вдруг вспышки, прямо глаза выедают. И вижу — небо все в огне, дыму и пыли. «Грибы» эти пульсируют, горят бордовым светом. А между «грибами» — жалкие обрывки полярного сияния. Ну и зрелище! Священный ужас! Смотрю, генералы стоят, рты раскрыли... А мужики-то войны прошли, да не в штабах, а в окопах! Проняло их до костей! (Тут и я вздрогнул.) «Только бы не понадобилось! — шепчет один генерал. — Только бы не пригодилось!»

— А потом что было?

— В 1973-м ушел я из армии и устроился руководителем полетов в наш, Керченский аэропорт. И десять лет проработал.

— Дурацкий вопрос — выпади вам возможность начать жизнь сначала, захотели бы пройти тот же путь?

— Глупый вопрос! Но вообще, сидит оно во мне... (закатывает рукава и показывает сизые пятна на коже; на старческую пигментацию не похоже).

— Это радиационные ожоги?!

— Они самые (улыбается). Хотя это мелочи — ногам больше досталось.

А вот закончить я вынужден на минорной ноте.

За свои труды и свершения Вениамин Михайлович не получил заслуженную пенсию — только обычную, общеевойсковую, как за «дисциплина — субординация — выслуга лет». Все потому, что в дело вмешался наш автохтонный и до боли знакомый суперзлодей Человек-Бюрократ. Да не простой, а военного разлива, у которого голова — это кость, а потому болеть не может. Данные о накопленной дозе облучения «уплыли» в некий институт, который не факт, что и существует до сей поры. Данные о службе в спецподразделении утонули в пучинах секретных архивов Минобороны. А потом было лихолетье 1990-х, когда оказалось, что институт, архивы Минобороны и Вениамин Михайлович оказались в разных странах!

Когда Крым наконец-то вернулся в родную гавань, Вениамин Михайлович обратился за перерасчетом пенсии, но в ответ получил «не имеем / не располагаем / не значится». И в связи с этим у меня к военной бюрократии вопрос:

— А это что за отношение к героям? Или вы из своего кармана пенсии платите? Или дедушка стоял у наковальни нашего ядерного щита только для того, чтоб очередного «штабнюка» погладили по голове за «экономии бюджетных средств»?

Да, конечно, век компьютеризации и информатизации неотвратим и однажды настанет день, когда все архивы внесут в единую электронную базу и отвечать на запросы будет не бабушка-архивариус, а нейросеть. Но давайте будем реалистами — до этого момента не доживет не то что Вениамин Михайлович, а и мы с вами!

Ладно... В любом случае я благодарен судьбе за знакомство с Вениамином Михайловичем, пусть и мимолетное. И осознание того, что я просто имел возможность ходить по одним улицам с таким человеком, будет греть меня всю жизнь.

P.S.: В статью не вошли и полпроцента того, что рассказал Вениамин Михайлович. За каждой фамилией, да той, аббревиатурой обнаруживался такой пласт одной только официальной информации в свободном доступе, что даже прочитать ее жизни не хватит. А уж про детальную проработку и систематизацию я вообще молчу — это работа для целого института!

Михаил СВИРИДОВ,
фото из личного
архива В. Сабурова.

Взрыв РДС-6С в августе 53-го.